

Нѣчто о береговыхъ крѣпостяхъ.

Испытъ послѣднихъ морскихъ боевъ далъ обширный и богатый матеріалъ для всевозможныхъ умозаключеній не только въ области переустройства современныхъ средствъ военныхъ флотовъ, но и въ области реорганизациіи средствъ морской обороны береговыхъ крѣпостей. Но такъ какъ матеріалъ этотъ, при всемъ своемъ богатствѣ, остается и понынѣ почти совершенно сырымъ, надлежащимъ образомъ не обработаннымъ наукою и не освѣщеннымъ литературою, то многія изъ помянутыхъ умозаключеній, высказываемыхъ пока-что лишь устно, въ интересующихся военнымъ дѣломъ кружкахъ пріятелей, далеко не обоснованы на почвѣ твердой и незыблемой. Посему гласный обмѣнъ мнѣній представляется въ высшей степени желательнымъ, и да простится мнѣ смѣлость почина въ дѣлѣ принципіальнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся береговой обороны.

Въ послѣднее время мнѣ часто приходилось слышать, что подѣ Цусимой погибъ не русскій флотъ, а флоты всего міра, что существующіе типы военныхъ линейныхъ судовъ потеряли свое бывшее значеніе, что недавніе приемы морского боя, боя кораблей между собою и кораблей съ береговыми батареями, отошли въ область

преданія, что существующее вооруженіе приморскихъ верковъ совершенно не отвѣчаетъ заданію, что руководство береговымъ огнемъ должно быть возложено на лицъ, прекрасно освѣдомленныхъ въ морскомъ дѣлѣ, наконецъ, что самыя приморскія крѣпости должны быть кореннымъ образомъ переустроены. На мой взглядъ, всѣ эти положенія подлежатъ еще весьма строгой оцѣнкѣ.

Сужденія о томъ, что подъ Цусимой погибли флоты всего міра, зиждутся на весьма достовѣрныхъ слухахъ о рѣшеніи многихъ странъ строить въ будущемъ броненосцы огромнаго водоизмѣщенія, ужасающей силы ихъ артилерійскаго вооруженія и весьма большой скорости передвиженія. Съ легкой руки англичанъ, заканчивающихъ постройку броненосца «Дреднаутъ», удовлетворяющаго сказаннымъ условіямъ, міровые авторитеты морского дѣла остановились, какъ я слышалъ, на типѣ «автономнаго» броненосца—судна водоизмѣщенія въ 20 тысячъ тоннъ, прикрытаго весьма сильною броней, вооруженнаго 12—14, заключенными въ башни, 12-дюймовыми орудіями и снабженнаго новыми турбинными двигателями. Орудія предположено имѣть длиною въ 50 калибровъ, что позволитъ доводить дальность артилерійскаго огня до 120 кабельтовыхъ, т. е. до 20 верстъ; турбинные двигатели дадутъ судну возможность развивать въ бою скорость хода въ 21—22 узла. Съ такими морскими колоссами нынѣ существующіе корабли, даже при громадномъ численномъ превосходствѣ, сражаться, говорятъ, не могутъ; не могутъ, говорятъ, составить эти старыя суда и подкрѣпленія новыхъ эскадръ, ибо по медленности хода имъ не угнаться за «автономными» броненосцами, а по малой досягаемости орудійнаго огня они останутся лишь пассивными свидѣтелями будущихъ морскихъ боевъ, которые будутъ вестись на весьма дальнихъ дистанціяхъ.

Не мнѣ, сухопутному, судить о томъ, насколько приведенныя соображенія правильны. Но оставляя въ сторонѣ технику и переходя на почву простой логики, невольно хочется задаться вопросомъ, дѣйствительно ли эти соображенія основаны на опытѣ войны, не являются ли они собою нѣкотораго теоретическаго увлеченія и правильно ли фактически утвержденіе о близкомъ наступленіи момента лебединой пѣсенки существующихъ флотовъ? Если бы подъ Цусимой нашъ флотъ погибъ въ борьбѣ съ «автономными» броненосцами—тогда ни о какихъ сомнѣніяхъ не могло бы быть и рѣчи. Но самымъ крупнымъ судномъ японскаго флота былъ броненосецъ «Миказа», водоизмѣщенія въ 15,352 тонны, съ предѣль-

ною скоростью хода въ 18 узловъ, имѣвшій всего четыре 12-дюймовыя пушки образца, давно принятаго для новѣйшихъ судовъ всѣхъ флотовъ. «Миказа» оказался въ бою судномъ превосходнымъ, и я прямо не понимаю, почему, на основаніи опыта войны, ему подобныя суда нынѣ признаются непригодными для боя? А подобныхъ «Миказа» судовъ, подобныхъ по вооруженію, водоизмѣщенію и скорости хода, имѣется или строится много: въ Англій—семь, водоизмѣщеніемъ отъ 16,000 до 16,750 тоннъ («Лордъ Нельсонъ», «Агамемнонъ», «Африка», «Британія», «Ибернія», «Нью Зеландъ» и «Индостанъ»), во Франціи—шесть, водоизмѣщеніемъ въ 14,850 тоннъ («Республикъ», «Патри», «Демократи», «Юстисъ», «Либерте» и «Верите»), въ Америкѣ—шесть, водоизмѣщеніемъ въ 16,250 тоннъ («Нью-Йоркъ», «Минезота», «Вермонтъ», «Канзасъ», «Луизіана» и «Кенектикутъ»), наконецъ, въ Россіи—два, водоизмѣщеніемъ въ 16,900 тоннъ («Императоръ Павелъ I» и «Андрей Первозванный»). Благоразумно ли, такъ сказать, заскакивая впередъ и широко перешагнувъ дѣйствительный боевой опытъ, затрачивать на морскіе колоссы по 20—25 миліоновъ рублей, въ особенности въ такое переходное время, какъ наше, когда подводное плаваніе дѣлаетъ изо дня въ день громадныя успѣхи, переходя даже отъ средства оборонительнаго къ средству наступательному, когда «автономная» плавучая крѣпость можетъ оказаться на днѣ отъ одной мины, приближенія которой предупредить невозможно?

Прося у читателей извиненія за отступленіе отъ коренной темы, перехожу къ вопросамъ береговымъ и начну съ вопроса самаго «моднаго»—о бомбардированіи флотомъ приморскихъ крѣпостей, портовыхъ сооружений и внутреннихъ бассейновъ-стоянокъ отечественныхъ судовъ.

Эпопея зялотешанскихъ бомбардированій японцами Портъ-Артура отразилась на большинствѣ людей, интересующихся крѣпостнымъ дѣломъ, какимъ-то гипнозомъ: не взирая на особья, въ высокой степени неблагоприятныя условія военнаго порта въ Артурѣ, условія, о которыхъ писалось уже достаточно, несмотря на то, что зялотешанскія бомбардированія не причинили крѣпости рѣшительно никакого вреда, а судамъ, запертымъ въ мѣшокъ недодѣланныхъ внутреннихъ бассейновъ, нанесли поврежденія относительно ничтожныя,—многіе настаиваютъ на необходимости принятія всевозможныхъ мѣръ для охраны каждой береговой крѣпости и ея жизненнаго ядра отъ бомбардированія съ дистанцій пре-

дѣльной досягаемости судовой артилеріи. Раздаются даже отдѣльные голоса, требующіе удаленія портовыхъ сооружений и корабельныхъ стоянокъ отъ фронта береговыхъ батарей въ глубину крѣпостного расположенія именно на дистанцію предѣльной досягаемости судового огня, т. е. при «автономныхъ» броненосцахъ на 20 версть.

Противу такихъ взглядовъ, по моему глубокому убѣжденію, слѣдуетъ бороться всѣми силами, памятуя ту непреложную истину, что установленіе идеала, даже совершенно недостижимаго на практикѣ, всегда сопровождается рожденіемъ извѣстной тенденціи, извѣстнымъ стремленіемъ къ этому эфемерному идеалу. А разъ явится тенденція къ паническому отношенію къ бомбардированію—потоки народнаго золота польются на дѣло, въ глазахъ каждаго вдумчиваго человѣка важности сомнительной, на дѣло несомнѣнно бесполезное—въ глазахъ пишущаго эти строки.

Разъ «автономные» броненосцы будутъ призваны къ жизни, эти 25-милліонныя суда, конечно, никогда не будутъ обращены въ какое-либо средство пораженія флотомъ берега. Ихъ грозныя батареи въ 14 пушекъ, кидающія снаряды на 20 версть, не выпускаютъ въ крѣпость ни одной бомбы. Въдѣ орудія эти уже близки къ тому апогею нынѣшняго прогресса артилерійской техники, который нѣкоторыми лицами игриво опредѣляется стремленіемъ попасть на невѣроятную дистанцію въ бубноваго туза и затѣмъ бросить орудіе, выведенное изъ строя однимъ боевымъ выстрѣломъ. Чѣмъ дальнѣе орудіе, чѣмъ длиннѣе оно, чѣмъ больше начальная скорость полета снаряда, тѣмъ неизмѣримо скорѣе оно изнашивается, разумѣя подъ изнашиваніемъ потерю первоначальной, а вскорѣ и какой-либо мѣткости. Если 12-дюймовыя пушки въ 40 калибровъ длиною, мечущія бомбы на 15 версть, отказываются служить послѣ сотаго, много стопятидесятаго выстрѣла, то сколько же выстрѣловъ выдержатъ такія же пушки въ 50 калибровъ длиною, съ ихъ предѣльною досягаемостью въ 20 версть? Конечно, «автономные» броненосцы будутъ стрѣлять только по кораблямъ въ открытомъ морѣ, по цѣли ясной и опредѣленной, а никакъ не по площадямъ внутренняго пространства береговыхъ крѣпостей, гдѣ только сотый, а то и двухсотый снарядъ найдетъ цѣль, достойную, вѣрнѣе угодить въ объектъ не грошевого значенія. Поэтому, можно смѣло сказать, что съ дистанціей для бомбардированія въ 20 версть считаться не слѣдуетъ вовсе.

Помимо вышензложеннаго, считаться съ дистанціей въ 20 версть

для бомбардированія приморскихъ крѣпостей не слѣдуетъ еще и потому, что въ недалекомъ будущемъ водные плесы въ указанномъ разстояніи отъ урѣза морской воды несомнѣнно будутъ усѣяны группами той или другой конструкціи минъ гальваническихъ, т. е. опасныхъ для врага и безопасныхъ для судовъ отечественныхъ. Въ такіе опасныя плесы «автономные» броненосцы вступать не будутъ по простой логикѣ вещей: чѣмъ больше судно, тѣмъ болѣе подвержено оно опасности коснуться мины, а погубить плавучую крѣпость въ два-три десятка милліоновъ рублей на минѣ, стоимостью въ нѣсколько сотенъ рублей, воля ваша—афера не изъ выгодныхъ. Вообще значеніе пассивной минной обороны, всегда являвшей собою элементъ высокаго моральнаго эффекта, неминуемо будетъ усиливаться прямо пропорціонально увеличенію водоизмѣщенія боевыхъ судовъ и ихъ цѣнности. Отважность командировъ судовъ, презрѣніе опасности и малая вѣра нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дѣйствительность минныхъ загражденій все болѣе и болѣе будутъ отходить въ область преданій подъ давленіемъ логики вещей и немолимой точности ариметическихъ подсчетовъ.

Итакъ, «автономные» броненосцы обстрѣливаніемъ береговыхъ крѣпостей по площадямъ съ дистанціей предѣльной досягаемости ихъ орудій, да и вообще какими-либо боевыми операціями противу крѣпостей, заниматься не будутъ.

Для предупрежденія бомбардированія береговыхъ крѣпостей съ судовъ существующихъ типовъ, изъ орудій, бросающихъ снаряды на 14—15 версть, можно употребить одинъ изъ двухъ пріемовъ: либо устанавливать на береговыхъ батареяхъ нѣкоторое, въ общемъ незначительное количество такихъ же орудій, могущихъ поражать всѣ водныя плёсы, доступныя для вражеской эскадры въ 14—15 верстахъ отъ линіи огня сказанныхъ батарей, либо, оставаясь при существующемъ вооруженіи береговыхъ верковъ и устранивъ всѣ мертвыя сектора оборои соотвѣтственнымъ размѣщеніемъ батарей, отодвигать жизненное ядро крѣпости, портовые сооружения и мѣста стоянокъ отечественныхъ судовъ въ глубину крѣпостного расположенія на разстояніе, равное разности дальнѣеости артилерійской судовой и береговой. Я вижу въ такихъ мѣрахъ залогъ полной безопасности крѣпости въ отношеніи ея бомбардированія, ибо глубоко убѣжденъ, что къ самому бомбардированію, т. е. къ стрѣльбѣ по площадямъ съ дистанціей предѣльной досягаемости судовой артилеріи (къ стрѣльбѣ совершенно не опасной для крѣпостныхъ верковъ и, какъ показали многочисленныя боевыя опыты до порть-

артурскаго включительно, мало вредоносной въ смыслѣ поражаемости жизненнаго ядра крѣпости, портовыхъ сооружений и судовъ, укрывшихся во внутреннихъ бассейнахъ)—атакующій прибѣгнетъ лишь при условіи полной безнаказанности облюбованной операціи, т. е. находясь внѣ сферы дѣйствія береговой артилеріи. Рисковать броненосцемъ даже существующаго типа, въ 12—15 тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, рисковать судномъ въ 12—15 милліоновъ рублей и со многими сотнями человѣческихъ жизней для проблематическихъ цѣлей, для моральнаго воздѣйствія на врага, на мой взглядъ, никакой флотоводецъ не станетъ.

Но даже отказываясь отъ такого субъективнаго взгляда на вещи и откидывая прочь психологію, считаясь съ заявленіями о крайней трудности пораженія съ берега подвижныхъ цѣлей, т. е. кораблей, съ предѣльныхъ дистанцій досягаемости берегового огня, а также считаясь съ заявленіями, будто такимъ огнемъ не напугаешь атакующаго и не заставишь его отказаться отъ разсматриваемой операціи.—все же нельзя согласиться съ необходимостью отодвиганія жизненнаго ядра морской базы на 15 верстъ отъ линіи береговыхъ батарей. И при такой исходной точки зрѣнія жизненное ядро крѣпости вполне достаточно удалить отъ батарей на разстояніе 15—8—7 верстъ, ибо 8 верстъ—это зона дѣйствія сосредоточеннаго огня береговой артилеріи всѣхъ существующихъ образцовъ, въ ихъ числѣ и мортиръ, а въ такую зону ужь безусловно не сунется ни одинъ здравомыслящій командиръ судна, имѣющаго задачей кидать снаряды по направленію неопредѣленной цѣли.

Для приданія этой мысли полной доказательности, позволю себѣ напомнить читателямъ о томъ, что представляетъ себою приемъ сосредоточенной стрѣльбы береговой артилеріи, тотъ приемъ, къ которому наши моряки и понынѣ относятся скептически, думаю, по малому знакомству съ нимъ.

При такой стрѣльбѣ, руководитель оной точно указываетъ всѣмъ батареямъ цѣль, т. е. отдѣльное судно, и тотъ моментъ, скажемъ—4 часа 37 минутъ дня, въ который каждый снарядъ долженъ упасть у намѣченной цѣли. Благодаря прекрасной разработкѣ приема стрѣльбы, на каждой батарее, разумѣя подъ батареей не фортификаціонную постройку, а каждую отдѣльную группу орудій одного образца, быстро опредѣляется моментъ залпа. Данными для этого служатъ разстояніе отъ дула орудія до цѣли, опредѣляемое по дальномѣру, и время полета снаряда, т. е., поясняя на примѣрѣ, быстро расчитавъ, что мой снарядъ подлетитъ къ цѣли черезъ 28

секундъ послѣ выстрѣла, я, командиръ батареи, даю изъ своихъ орудій залпъ въ 4 часа 36 минутъ 32 секунды дня. И вотъ, получивъ приказъ отъ распорядителя стрѣльбою, батареи начинаютъ давать залпы *разновременно*. Сначала палятъ мортиры, затѣмъ пушки-гаубицы (старые образцы 11 и 9—дюймовыхъ пушекъ), затѣмъ пушки современныхъ образцовъ; по однохарактернымъ группамъ—раньше тѣ, которыя расположены въ большемъ удаленіи отъ намѣченной цѣли. У самой уже цѣли всѣ снаряды, всѣхъ батарей и всѣхъ образцовъ орудій, валятся *одновременно*. Получается, такъ сказать, дробовый выстрѣлъ, огромной дѣйствительности въ смыслѣ вѣроятности попаданія. Вѣдь не распространяться же о томъ, что пулей бекаса не убить на его стремительномъ полетѣ и Вильгельму Телю, а дробью изъ крупнокалибернаго дробовика его убьетъ и посредственный стрѣлокъ. Входитъ въ сферу поражаемости береговыми дробовыми зарядами, каждая дробинка которыхъ—фугасная бомба, способная, при попаданіи въ убойное мѣсто корабля, окончательно вывести его изъ строя—дѣло болѣе, нежели рискованное.

Защитники вредной идеи отнесенія жизненнаго ядра береговой крѣпости въ глубину крѣпостнаго расположенія на 15 верстъ подтверждаютъ правоту своей точки зрѣнія нижеслѣдующимъ, на первый взглядъ достаточно мотивированнымъ соображеніемъ. Доводы моряковъ, специалистовъ морского дѣла, убѣждаютъ, что съ призваніемъ къ жизни «автономныхъ» броненосцевъ существующіе нынѣ въ міровыхъ флотахъ броненосцы станутъ совершенно непригодными для эскадреннаго боя. А между тѣмъ, использовать ихъ надо, и вотъ мы вступаемъ—де въ новую эру полной вѣроятности *борьбы* флотовъ съ береговыми батареями, той борьбы, цѣлесообразность которой отвергалась еще такъ недавно всѣми *серьезными* представителями военно-морской науки какъ у насъ, такъ и за границей. Разъ эскадры новѣйшихъ, но не «автономныхъ», а слѣдовательно и успѣвшихъ уже состариться чуть-ли не на эллингахъ броненосцевъ, будутъ *бороться* съ существующими береговыми батареями, большинство коихъ, по увѣренію моряковъ, всюду вооружено архаическими образцами артилерійскихъ орудій, то несомнѣнно, что береговой огонь будетъ потушенъ относительно безъ затрудненій, а съ достиженіемъ такого результата боя броненосцы подойдутъ къ линіи безвредныхъ для нихъ береговыхъ батарей и отсюда уже, стоя на якорѣ, станутъ громить ядро крѣпости,

портовые сооружения и укрышіеся во внутреннихъ бассейнахъ корабля обороняющагося.

Невольно вспоминаются мнѣ слова поэта-воина: «гладко было на бумагѣ—оказались тамъ овраги, а по нимъ ходи». И овраги окажутся весьма и весьма тяжелыми.

Легко сказать: потушить береговой огонь; но трудно это выполнить, даже и при орудіяхъ береговой обороны, развязно относимыхъ къ образцамъ архаическимъ. Не можетъ быть спора о томъ, что это, такъ называемыя, архаическія орудія; во многомъ уступаютъ орудіямъ новой, но уже въ глазахъ моряковъ устарѣвшей, судовой артилеріи не «автономныхъ» броненосцевъ: но уступаютъ они почти исключительно при дѣйствіи на большихъ дистанціяхъ. Въ борьбѣ же на близкихъ разстояніяхъ лучшія балистическія качества существующихъ судовыхъ орудій совершенно поглащаются лучшими условіями стрѣльбы съ береговыхъ батарей, т. е. несравненно большимъ удобствомъ стрѣльбы съ неподвижнаго основанія батарей, чѣмъ стрѣльбы съ зыбкой палубы броненосцевъ. А между тѣмъ, успѣшная *борьба* флота съ берегомъ возможна именно лишь на близкихъ дистанціяхъ, и военными авторитетами всего міра такими дистанціями признаются разстоянія не болѣе четырехъ, много пять верстъ. Съ большихъ разстояній судовой огонь рѣшительно никакихъ серьезныхъ поврежденій крѣпостнымъ веркамъ не причинить, въ особенности по силѣ того соображенія, что для тушенія огня современныхъ, прочно построенныхъ, береговыхъ бетонныхъ батарей флоту необходимо вести огонь демонтирный, т. е. необходимо бить въ орудійныя гнѣзда и подбивать самыя орудія, тогда какъ береговой артилеріи достаточно попадать въ судно, а не въ орудійныя его установки. Судно можно утопить со всѣми его атрибутами, а береговой батареей не потопить, даже не взорвать ее на воздухъ, ибо пороховые погреба прикрыты бетонными сводами, не боящимися никакихъ фугасныхъ бомбъ. Что же касается вѣроятности попаданія при томъ и другомъ объектѣ стрѣльбы, то могу указать на такія цифры опыта, произведеннаго въ одномъ изъ европейскихъ государствъ весьма тщательно и обстоятельно еще такъ недавно: съ разстоянія около 7 верстъ процентъ попаданія 12—дюймовыхъ пушекъ въ орудійныя гнѣзда береговыхъ батарей, при стрѣльбѣ съ судна, *стоящаго на якорѣ*, опредѣлился величиною въ 0,1 т. е. однимъ попаданіемъ на тысячу выстрѣловъ; процентъ же попаденія на ту же дистанцію въ стоящій на якорѣ броненосецъ изъ 9—дюймовыхъ мортиръ, т. е. изъ наи-

менѣе мѣткихъ береговыхъ орудій, выразился цифрами въ 15—17. При стрѣльбѣ съ движущагося корабля мѣткость уменьшится еще болѣе, а при стрѣльбѣ по движущемуся кораблю поможетъ пріемъ сосредоточенной стрѣльбы, стрѣльбы дробовымъ зарядомъ.

Моряки собираются тушить огонь береговыхъ батарей по—батареино, по очереди, начиная съ фланговой и обрушиваясь на нее всею громадою артилеріи введенной въ бой эскадры. Опять забываютъ они объ оврагахъ.

Наивыгоднѣйшимъ пріемомъ борьбы флота съ берегомъ мнѣ представляется движеніе эскадры по курсу, параллельному линіи береговыхъ батарей, движеніе въ одной кильватерной колоннѣ, съ переменною направленія много правѣе или лѣвѣе фланговыхъ пунктовъ береговой обороны. Лишь при такомъ пріемѣ будетъ избѣгнута необходимость производства поворотовъ въ сферѣ дѣйствія берегового огня, т. е. наиболѣе деликатный моментъ эволюцій флота, когда и скорость хода надо убавить, и часть своихъ кораблей лишить возможности стрѣльбы, можно будетъ обставить условіями безопасности. При такой тактикѣ эволюцій, тактика судовой артилеріи, думаю, сведется не къ поражению всѣми кораблями одной очередной батареей, а къ поражению всѣхъ батарей, съ каждаго судна—ближайшей. Въ пылу боя каждая, осыпаемая снарядами, батарея, вѣроятно, также будетъ стрѣлять по ближайшему кораблю: другая тактика трудно осуществима на практикѣ по условіямъ исключительно моральныхъ свойствъ. Но совсѣмъ иначе будетъ поставлено дѣло, если флотъ задается цѣлью бить, главнымъ образомъ, одну фланговую батарею. Тогда распорядителю береговымъ огнемъ ничто не помѣшаетъ направить всѣ снаряды группы фланговыхъ батарей въ головной корабль, направить снаряды съ большинства батарей, такъ сказать, въ учебной обстановкѣ (батареи не поражаются неприятелемъ) и, конечно, съ прекрасными результатами.

Сколько при этомъ фланговыхъ батарей будетъ приведено къ молчанію и сколько головныхъ кораблей пушено ко дну—вопросъ вполне неопредѣленный. Не забудьте при этомъ, что гибель и одного головного корабля, при строе кильватерной колонны, неминуемо отразится замѣшательствомъ въ движеніи всей эскадры, замѣшательствомъ, которымъ такъ легко воспользоваться и изъ котораго можно извлечь много существеннаго и выгоднаго для обороны.

Моряки мнѣ говорили, что они прибѣгнуть къ другому приему эволюцій. Для по очереднаго тушенія фланговыхъ батарей, они собираются выписывать на флангахъ крѣпости свои локсодромии на траверсъ подлежащей погрому батареи, а вовсе не циркулировать вдоль линіи береговой обороны. Но тогда имъ придется еще хуже. Каждый корабль, находящійся при этомъ въ наиболѣе выгодномъ положеніи въ смыслѣ дѣйствительности его огня, т. е. ближайшій къ облюбованной батарее, войдетъ въ это выгодное положеніе непосредственно послѣ поворота и непосредственно передъ поворотомъ и, конечно, не будетъ располагать полною своею скоростью въ самый критическій для него моментъ. На такой корабль и устремится весь огонь фланговой батареи и смежныхъ съ нею, и врядъ-ли ему сдобровать. Кромѣ того, при подобной циркуляціи судовъ самый объектъ атаки будетъ поражаться далеко не со всѣхъ броненосцевъ эскадры; одни корабли будутъ мѣшать другимъ, будутъ маскировать цѣль. Да и вообще повороты судовъ въ районъ поражаемости береговой артиллеріи — приемъ болѣе, нежели сомнительнаго достоинства.

Такимъ образомъ, тушеніе огня береговыхъ батарей представляется задачей крайне сложной и трудно разрѣшимой, а, значить, и считается съ нею въ дѣлѣ обезпеченія жизненнаго ядра крѣпости отъ бомбардированія прямо не стоитъ. Я не говорю уже о простой арпометикѣ: хватить ли у флота снарядовъ потушить береговой огонь и затѣмъ громить прикрываемыя крѣпости и иныя сооруженія, вынесутъ ли судовыя орудія столь интенсивную пальбу?

Приведенныя соображенія, думаю, достаточно ясно устанавливаютъ отсутствіе необходимости удалять жизненное ядро береговыхъ крѣпостей, портовыхъ сооруженія и бассейны — стоянка отечественныхъ кораблей на 14 — 15 верстъ разстоянія отъ линіи береговой обороны въ глубину крѣпостнаго расположенія. Но выше я обмолвился, что такое удаленіе не только бесполезно, но и вредно, а по сему и считаю для себя обязательнымъ, мысль эту доказать достаточно убѣдительно.

Всяческія морскія базы, питательныя, ремонтныя и строительныя, а въ особенности базы, въ которыхъ въ военное время укрываются активныя морскія силы обороняющагося, готовы воспользоваться каждымъ удобнымъ моментомъ для выхода въ открытое море и налета на врага въ выгодной для себя обстановкѣ, всегда

представляютъ собою лакомый объектъ для атаки противникомъ, атаки серьезной, съ цѣлью захвата пункта и всякихъ сосредоточенныхъ въ немъ сооруженій, средствъ и запасовъ. Непріятель можетъ атаковать эти базы какъ съ морской стороны, такъ и со стороны сухопутья. Морская атака, по силѣ изложеннаго выше, не особенно страшна базамъ, прикрытымъ сколько-нибудь удовлетворительными береговыми батареями. Это подтверждаетъ безконечный рядъ историческихъ примѣровъ, и можно смѣло сказать, что разъ сильный непріятель задается цѣлью овладѣть морской базой, онъ будетъ ее брать съ сухопутья, путемъ ли высадки въблизи базы значительнаго транспортнаго десанта, путемъ-ли направленія къ облюбованному пункту осаднаго корпуса по сушѣ. Поэтому, въ дѣлѣ охраны морскихъ базъ отъ захвата противникомъ, наиболѣе серьезной задачей является организациія ихъ обороны съ сухопутной стороны верками прочнаго сопротивленія и такого расположенія, которое устранило бы не только опасность захвата берегаемаго пункта, но и опасность разгрома ядра крѣпости съ позицій батарей обложенія. Для этого территорія морской базы должна быть окружена поясомъ сильныхъ фортовъ, удаленныхъ отъ границъ этой территоріи по крайней мѣрѣ верстъ на восемь.

Обыкновенно, при разумномъ удаленіи морской базы отъ линіи береговой обороны, линія обороны сухопутной, окружая берегаемый районъ со стороны суши, примыкаетъ своими флангами къ флангамъ приморской позиціи, т. е. получается непрерывное кольцо обороны. Если же морскую базу, подъ вліяніемъ паническаго страха передъ бомбардированіемъ съ предѣльныхъ дистанцій огня судовою артиллеріи и непонятнаго для меня допущенія положенія бомбардированія на линіи береговыхъ батарей, стануть удалять въ глубину крѣпостнаго расположенія на многія версты, то указанный приемъ охраны базы окажется на практикѣ непримѣнимымъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы страшно увеличивать периметръ сухопутной обороны. Стоитъ ли распространяться о томъ, что увеличеніе крѣпостнаго периметра, несоизмѣренное съ насущною необходимостью, равносильно непроизводительной растратѣ денежныхъ средствъ на возведеніе мертвыхъ сооруженій и живой силы обороны, войсковыхъ единицъ, на укомплектованіе гарнизона крѣпости, численность котораго находится всегда въ прямой зависимости отъ величины обвода крѣпостныхъ верковъ? Прибѣгнуть же къ другому приему — устраивать позади береговыхъ батарей общую

горжу, необходимую для защиты ихъ отъ захвата судовымъ и даже шлюпочнымъ десантомъ, а за тѣмъ заключать морскую базу въ сомкнутое кольцо укрѣпленій чисто уже сухопутной крѣпости— болѣе, нежели нецѣлесообразно даже въ томъ случаѣ, если такой пріемъ окажется не сопряженнымъ съ перерасходомъ денегъ и войскъ, ибо при этомъ будетъ нарушена связь между сухопутною и береговою обороною, связь, прямо таки необходимая для прочнаго сопротивленія крѣпости.

Мнѣ доводилось слышать сужденія о томъ, что при расположеніи морской базы вдали отъ урѣза морскихъ водъ, въ глубинѣ устьевъ многоводныхъ рѣкъ или въ вершинахъ глубоко врѣзывающихся въ материкъ фіордовъ, и при надлежащей защитѣ входовъ въ рѣки и фіорды, самыя базы можно оставлять необороненными крѣпостными верками: ихъ охрана можетъ быть-де возложена на полевую армію обороняющагося. Но на такую точку зрѣнія можно было бы стать только при условіи полной непобѣдимости полевой арміи обороняющагося. Если же такой непобѣдимости фактически не будетъ, если полевая армія будетъ разбита или отойдетъ въ глубину страны подъ давленіемъ преобладающихъ силъ противника, то морская база станетъ весьма легкимъ трофеемъ непріятеля, который заберетъ ее, какъ говорится, голыми руками. Пропаганда сказанной мысли въ особенности опасна въ странѣ, мобилизующей свои военныя силы и сосредоточивающей ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ значительно болѣе длительный промежутокъ времени, нежели ея сосѣди, ея вѣроятные враги. Именно такое несоотвѣтствіе сроковъ мобилизаціи и сосредоточенія выдвигаетъ крѣпости и крѣпостную оборону на видный планъ, такъ какъ тѣ и другія всегда споспѣшествуютъ затяжкѣ кризиса на полѣ брани, а выигрышъ во времени—главный факторъ успѣха сильнаго государства, раскинутого на территоріи громадной площади и немогущаго быстро сосредоточивать свои полки къ угрожаемому району.

Затѣмъ не лишнее замѣтить, что разговоры объ устройствѣ морскихъ базъ въ глубинѣ устьевъ многоводныхъ рѣкъ или въ вершинахъ глубоко врѣзывающихся въ материкъ фіордовъ, въ общемъ разговоры праздыя. Географіи по своему вкусу не передѣлаешь, и врядъ ли мы найдемъ такія укромныя мѣстечки, доступныя для «автономныхъ» броненосцевъ, безъ коренного переустройства рѣкъ и фіордовъ или безъ прорытія каналовъ и сооруженія бассей-

новъ на твердой сушѣ. Сражаться же съ географіей и гидрографіей въ преслѣдованіи задачи служенія гипнозу, воля ваша, неразумно окончательно.

Переходя къ вопросу о яко бы выяснившейся въ послѣднее время необходимости врученія руководства береговымъ огнемъ лицамъ, прекрасно освѣдомленнымъ въ военно-морскомъ дѣлѣ, необходимости полной и неминуемой, считаю полезнымъ быть прежде всего чистосердечнымъ и сказать откровенно и во всеуслышаніе, что идея эта проводится едва ли не сторонниками передачи береговыхъ крѣпостей изъ сухопутнаго управленія въ морское, сторонниками стремленія пріискать службу на сушѣ цензовымъ адмираламъ и низшей морской братіи изъ числа обрѣтавшихся долгими годами въ «вооруженномъ резервѣ» и разучившихся плавать на корабляхъ.

О полной нецѣлесообразности проведенія въ жизнь такой мѣры мнѣ приходилось писать на страницахъ «Военнаго Сборника» достаточно и повторяться я не буду. Скажу лишь нѣсколько словъ по поводу мотивовъ, полагаемыхъ нынѣ въ основу увѣренія потребности руководства береговымъ огнемъ лицами, вполне компетентными въ морской наукѣ, или, проще,—моряками.

Сторонники такой мысли исходятъ изъ того соображенія, что современная тактика морскихъ боевъ измѣнилась послѣ русско-японской войны кореннымъ образомъ, что въ морскихъ сраженіяхъ отнынѣ первенствующую роль будутъ играть эволюціи эскадръ, что бой на близкихъ дистанціяхъ болѣе происходитъ не будетъ, что на далекихъ разстояніяхъ неспециалисту не распознать намѣреній атакующаго и что всѣ эти новыя условія отразятся и на тактикѣ береговой обороны, вступающей въ новую стадію своей боевой дѣятельности.

Не знаю, быть можетъ кому-нибудь всѣ эти соображенія и понятны, но для меня они—сплошной туманъ.

Что показали опытъ послѣдней войны въ области операцій флота противу береговыхъ батарей? Очень мало. Онъ подтвердилъ лишь старую истину о томъ, что флоту не подъ силу бороться съ береговыми батареями даже при «арханчскомъ» ихъ вооруженіи. 27 января 1904 года японцы попробовали сунуться въ сферу поражаемости береговыхъ батарей Артура и закаялись. Намъ не извѣстны подробности этого боя въ отношеніи ущерба, нанесеннаго японскому флоту береговой артиллеріей. Достоверно мы знаемъ лишь то,

что почти непосредственно послѣ приближенія вражескихъ кораблей къ крѣпости въ ихъ средѣ произошло замѣшательство; потеря строя и затѣмъ спѣшное отступленіе въ полномъ порядкѣ. Но, съ другой стороны, мы прекрасно освѣдомлены въ томъ, что послѣ дерзновенной попытки атаковать береговой фронтъ Артура, при которой, кстати будь сказано, ни одинъ вражескій снарядъ не попалъ ни въ одну изъ батарей, японцы прониклись такимъ уваженіемъ къ сухопутнымъ «арханкамъ» берегового вооруженія, что больше уже не рисковали подходить къ крѣпости ближе, какъ на 14—15 верстѣ. Съ этихъ дистанцій они послали въ крѣпость одновременно на одну сотню 12-дюймовыхъ бомбъ и достигли результата удивительнаго: за всю осаду Артура съ моря угодили въ батарею, именно въ расходный пороховой погребокъ батареи № 13 Золотой горы, всего одинъ снарядъ, да и тотъ свода бетонной кладки въ 5 футъ толщиною не пробилъ и посему ощутительнаго вреда сооруженію не причинилъ. Можно смѣло сказать, что въ отношеніи противодѣйствія операціямъ флота противу берега Портъ-Артуръ выдержалъ экзаменъ на 12 съ плюсомъ, и, казалось бы, по этому опыту никакихъ нововведеній въ оборону приморскихъ крѣпостей насаждать не слѣдовало бы.

Но откидывая факты и дѣйствительные результаты боевого опыта и переходя на почву умозрительную, становясь на теоретическую точку зрѣнія, можно считать съ тѣмъ несомнѣннымъ обстоятельствомъ, что опытъ Цусимы, опытъ боя флотовъ въ открытыхъ водахъ, далъ кое что новое, могущее отразиться и на тактикѣ борьбы берега съ кораблями. Это новое—значеніе въ морскомъ бою фугасныхъ снарядовъ съ большими разрывными зарядами и возможность пусканія ко дну броненосцевъ при стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій.

До войны у насъ преобладало мнѣніе, будто броненосецъ можетъ быть потопленъ только утилизаціей бронейныхъ снарядовъ, только путемъ пробитія бортовой брони, пробитія достижимаго на относительно близкихъ разстояніяхъ. Стрѣльба по бортамъ броненосцевъ фугасными снарядами не почиталась дѣйствительной ни моряками, ни большинствомъ сухопутныхъ артиллеристовъ. Последніе, неосторожно внимая авторитетнымъ по формѣ сужденіямъ моряковъ, возлагали на новѣйшія пушки, съ ихъ отлогой траекторіей, главнымъ образомъ обязанность пораженія бортовой брони снарядами съ относительно ничтожными разрывными зарядами. Но

иначе смотрѣли сухопутные артиллеристы на огонь изъ мортиръ и болѣе старыхъ орудій, стрѣляющихъ подъ большими углами возвышенія, т. е. дающихъ крутыя траекторіи: въ боевые комплекты такихъ орудій включались преимущественно фугасныя, сильнаго дѣйствія, бомбы, и ими рассчитывали сухопутные дѣйствовать по палубамъ броненосцевъ и выводить послѣдніе изъ строя однимъ-другимъ удачнымъ попаданіемъ. Наши моряки почти глумились надъ этой сухопутной фантазіей и рьяно указывали на ея несостоятельность во всякихъ комиссіяхъ, въ печати, на лекціяхъ въ «обществѣ ревнителей военныхъ знаній». Опытъ Артура удостовѣрилъ положительно и окончательно, кто былъ правъ: по сообщенію капитана 1-го ранга фонъ-Эссена, сдѣланному имъ въ «Собраніи арміи и флота» 28 февраля 1906 года, снаряды японскихъ 11-дюймовыхъ мортиръ, установленныхъ на суши и бывшихъ по палубамъ нашихъ броненосцевъ, стоявшихъ во внутреннихъ бассейнахъ, производили на судахъ невѣроятныя опустошенія; бомбы эти пробивали нѣсколько палубъ и разрывались въ жизненныхъ частяхъ кораблей, а одна изъ нихъ пронизала на «Севастополѣ» двѣнадцать переборокъ.

Опытъ Цусимы показалъ, что фугасные снаряды болѣе, нежели страшны и для бортовъ броненосцевъ. Повидимому, первенствующее значеніе въ борьбѣ съ броненосцами снарядовъ бронейныхъ утратилось окончательно, и, надо полагать, въ комплектурѣ всякихъ береговыхъ орудій будутъ выданы главнымъ образомъ снаряды фугасные.

Въ тѣ времена, когда бронейнымъ снарядамъ придавали значеніе божье, а при борьбѣ берега съ броненосцами и значеніе рѣшающее, отъ берегового артиллериста требовалось умѣнье распознавать суда, ихъ типы, ихъ рангъ и даже названіе. Теорія поучала, что, стрѣляя по броненосцу, по его борту, артиллеристу важно попасть не *въ корабль*, а въ *то мѣсто* брони, за которымъ укрыты жизненные части судна. Пробойна отъ снаряда бронейнаго всегда близка по діаметру калибру самаго снаряда, почему, даже оказавшись у ватерлиніи или ниже ея, т. е. будучи подводной, она не страшна въ частяхъ корабля, не содержащихъ механизмовъ движенія или управленія судномъ, или складовъ взрывчатыхъ веществъ. Водоотливныя средства броненосцевъ были въ послѣднее время столь мощными, что не при дырѣ въ 10—12 дюймовъ и не при парѣ ихъ можно было рассчитывать на затопленіе корабля. Но если

бы тотъ же снарядъ проникъ въ машину, въ отдѣленіе котловъ, въ бомбовый или минный погребъ и въ имъ подобныя жизненные части — судно могло быть выведено изъ строя. Отсюда ясно, что по теоріи береговому артиллеристу являлась необходимость не только знать конструкцію броненосцевъ вообще, но и уметь отличать одинъ броненосецъ отъ другого, ибо разные броненосцы имѣли и разныя въ деталяхъ конструкціи.

Спору быть не можетъ, что указанное требованіе, предъявлявшееся береговому артиллеристу, было насквозь пропитано академической закваской, ибо, серьезно говоря, на практикѣ бой береговыхъ батарей съ атакующими ихъ броненосцами всегда сводился къ стрѣльбѣ по обыкновенной подвижной цѣли, внѣ всякой зависимости отъ субъективныхъ качествъ послѣдней. На дистанціяхъ, измѣряемыхъ верстами, конечно, стрѣляли *въ корабль*, а не въ извѣстную его точку. Все же теорія для своихъ требованій имѣла извѣстные основанія.

Иначе стоялъ вопросъ о необходимости для берегового артиллериста распознавать суда для подходящаго подбора того или другого вида снарядовъ при стрѣльбѣ по судну даннаго типа и на данную дистанцію. Это имѣло важное и при томъ практическое значеніе. Если бы береговой артиллеристъ не сумѣлъ отличить броненосца отъ бронепалубнаго крейсера и сталъ бы посылать въ крейсеръ бронеполубные снаряды, какъ это сдѣлали испанцы 25 апрѣля 1898 года у Манилы, то, конечно, онъ впалъ бы въ грубую ошибку. Равнымъ образомъ, не умѣя отличить одного броненосца отъ другого, береговой артиллеристъ могъ посылать бронеполубные снаряды въ такой броненосецъ и на такой дистанціи, что его пальба была бы однимъ пустымъ громомъ: броня разной толщины пробивается бронеполубными снарядами на различныхъ разстояніяхъ и жизненные части различныхъ броненосцевъ прикрыты броней не одинаковой толщины. Если цѣлесообразно, на три версты стрѣлять изъ 10-дюймовой пушки бронеполубными снарядами по какому-нибудь «Кингъ Эдуарду», то совершенно непризводительно сталъ бы береговой артиллеристъ тратить такіе же снаряды и на такой же дистанціи, паля въ «Дреднаутъ».

Но то было раньше, то было въ тѣ времена, когда бронеполубные снаряды пользовались отмѣнной репутаціей. Нынѣ, когда при вся-

комъ огнѣ, т. е. и бронеполубномъ и палубополубномъ, при огнѣ на дистанціи и близкія, и дальнія, и среднія, премьеромъ снарядовъ является фугасная бомба—береговому артиллеристу рѣшительно все равно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло: и въ броненосецъ «Кингъ Эдуардъ», и въ броненосецъ «Дреднаутъ», и въ крейсеръ «Оріонъ» онъ будетъ стрѣлять съ легкимъ сердцемъ однимъ и тѣмъ же снарядомъ и на всякую дистанцію. Ему важно уметь стрѣлять, попадать въ цѣль, и онъ можетъ смѣло разсчитывать, что «чемоданъ» пироксилина или меленита, взорвавшійся у ватерлиніи любого корабля сдѣлаетъ свое дѣло внѣ всякой зависимости отъ его военноморскихъ познаній. Умѣнью же стрѣлять не береговымъ артиллеристамъ учиться у моряковъ.

Мнѣ доводилось слышать заявленія, что обоснованіе моряковъ на сушѣ, принятіе ими береговыхъ крѣпостей подъ свое покровительство и державство поведетъ къ улучшенію обороны морскихъ базъ и къ увеличенію военной мощи государства: Умудренные опытомъ войны и чуждые рутинѣ сухопутнаго управленія, они перекроютъ все по своему и быстро достигнутъ результатовъ блестящихъ. Но, во-первыхъ, откуда возьмутъ средства моряки, разъ ихъ не даютъ сухопутнымъ, а, во вторыхъ, наблюдается ли въ области береговой обороны ягучая, неотложная надобность разрушать существующее и создавать нѣчто совершенно новое? Къ тому же морякамъ и своего дѣла по-горло. Пусть лучше справятся они со своею задачею, справятся спокойно, обдуманно, безъ увлеченій и безъ легкаго отношенія къ денежнымъ ресурсамъ родины въ дѣлѣ возсозданія отечественнаго боевого флота.

Каждая война вноситъ извѣстную эволюцію въ военные міры всѣхъ странъ и народовъ. Опытномъ каждой войны стремятся воспользоваться возможно шире и продуктивнѣе. Поощрять такія стремленія слѣдуетъ всемѣрно. Но обороны Богъ отъ гипноза, а въ особенности отъ безпощадной критики стараго мертваго матеріала, якобы не оказавшагося на высотѣ назначенія, а въ дѣйствительности просто не использованнаго. Я далекъ отъ утвержденія, что все у насъ прекрасно и ничего измѣнять не слѣдуетъ. Однако, ломать старое только потому, что оно старо—афера не изъ важныхъ. Стучать краски опыта войны и окрашивать самый опытъ въ произвольные колера только вредно. Въ особенности опасно

перескакивать через опытъ войны и вторгаться въ вѣроятную, а то и маловѣроятную обстановку войнъ грядущихъ. Вѣдь это все пахнетъ милліонами, а гдѣ ихъ взять? Не забудемъ поученія нашего достойнаго мыслителя-стратега, генерала Леера: «Система военныхъ учреждений извѣстнаго государства должна быть поставлена въ строгое соотвѣтствіе съ его силами и средствами, вообще со степенью его богатства».

Г. Тимченко-Рубанъ.

